

Гора Пурпурный Восток исчезла. Впереди вдали высилась едва различимая горная гряда. Синее небо теперь было окрашено в багрянец закатным солнцем. Над маленьким городком, освещаемым последними лучами солнца, сгущались сумерки. Он был обнесен городской стеной, но, судя по состоянию, ее построили очень, очень давно. Под воздействием времени камень был покрыт трещинами и уже немного крошился.

На стене скучали несколько часовых. Изредка до них доносился смех и обрывки разговоров из борделя внизу. В городе появилась новая девочка, её смех, мелодичный и наполненный жизнью, звучал подобно пению птиц. Через городские ворота вереницей ехали запряженные лошадьми повозки. Возницы то и дело погоняли кнутами и бранили своих кобыл, пока их повозки неспешно катились к городской площади.

Хоть солнце и садилось, жара стояла просто невообразимая, словно небесное светило вознамерилось превратить их скромный городок в настоящую печь. В воздухе ни намек на дуновение ветра, в небе даже не пахло дождем. Сейчас всем кругом царила удушающая жара.

Стена окружала небольшой городок, каких полно в каждом уезде. По улицам группами по двое-трое человек гуляли люди, спасаясь от жары, они обмахивались веерами и не упускали возможности помянуть треклятую погоду. В разбросанных по всему городу чайных было не протолкнуться, многие хотели выпить холодного чая, чтобы хоть ненадолго забыть об удушливом зное. В такие душные летние вечера главным времяпровождением горожан было распитие чая и обмен последними слухами.

Помимо чайных, в городе имелся свой бордель, его обычно посещали зажиточные горожане. Проходя мимо, многие мужчины невольно глазели на роскошно одетых девушек, облокотившихся на деревянные ставни на втором этаже. От такого у любого мужчины внутри вспыхивало пламя, отчего они сразу вспоминали про невыносимую жару. Если несчастный шел мимо борделя со своей женой, то, скривившись от зависти, она в спешке тащила его за собой подальше от этого гнезда разврата. Жены посварливее при виде беспутных и самоуверенных красоток на втором этаже могли даже не постесняться выкрикнуть в их адрес парочку проклятий.

Городские постоянно судачили о борделе. Один говорил, что девушки в борделе были подобны цветку и яшме[1], невероятно красивы. Другой рассказывал, что в комнатах постоянно приносили лед, а миловидные служанки обмахивали веерами богатых гостей, дабы те могли насладиться прохладным бризом. Третий с улыбкой вспоминал, какие там подают изысканные яства и освежающее вино... Каждый мужчина хотел туда попасть, кто-то ради девушек, кого-то манила еда и прохлада от льда.

— Теперь понимаете? Это лучшее место в городе! — стиснув кулаки, серьезно прошептал Мэн Хао двум мальчуганам рядом с ним. Оба были примерно его возраста, двенадцать-тринадцать лет от роду. — В вас, ребята, просто нет духа братства!

Мэн Хао положил ладони им на плечи. Один мальчишка был худощавый, другой весьма упитанный. Они выглядели взволнованно, хоть немного стеснялись и нервничали. Мэн Хао одарил их серьезным взглядом, как патриарх секты, передающий ученикам свое наследие.

— Завтра я, юный господин, отправлюсь в частную школу[2]. Отныне титул главного задиры уезда Дунлай переходит вам двоим. Помните, вы должны поддерживать репутацию юного господина!

Если бы они находились в каком-нибудь священном месте, тогда, возможно, это придало бы его словам больше веса. Но, к сожалению, сейчас они лежали на стене, окружающей территорию борделя. Там стояло двухэтажное здание, соединенное с еще одним, которое выходило на главный двор. С их позиции на стене им было хорошо видно тени мужчин и женщин в окнах второго этажа. Оттуда же доносились обрывки разговора и смех. Веснушчатое лицо упитанного юноши озарил восторг, и он прошептал:

— Юный господин Фан, не беспокойтесь. Титул главного задиры уезда Дунлай всегда будет вашим. Что до нас, задир номер два и три, мы не подведем!

Худощавый юноша рядом с ним с энтузиазмом закивал.

— Отлично, я знал, что могу положиться на вас, — серьезно отозвался Мэн Хао, — однако, чтобы вступить в группу, вы должны пройти обряд инициации. Сегодня ваше последнее испытание. Слушайте внимательно. Скоро оттуда, — он указал на бордель, — выйдет один человек. Когда это произойдет, вы должны швырнуть в него кирпич со всей силы!

Оба мальчугана взяли по кирпичу размером с их руку.

— Треклятый мерзавец! — прошипел Мэн Хао сквозь зубы. — Ему хватило наглости приударить за моим Румяным Персиком?! Юный господин просто обязан выяснить имя проходимца! — он сердито посмотрел на второй этаж, а потом со вздохом продолжил. — Румяный Персик пообещала мне, что подождет, пока я вырасту и тогда она возляжет со мной. И тут появляется какой-то проклятый сукин сын, который решил выбрать именно ее!

Его сердце сжигала нестерпимая ярость. Когда два его спутника увидели свирепый блеск его глаз, они невольно прониклись к нему еще большим уважением. "Он точно достоин быть старшим братом, — думали они, — если во всем уезде у кого в двенадцать лет и могла быть любовница, то точно у главного задиры уезда Дунлай". Они обменялись восхищенными взглядами. По их мнению, любой, кто мог войти в легендарный бордель и найти себе любовницу, обладал талантом, способным достичь Небес. Способность говорить об этом в открытую лишь прибавляло им гордости за своего лидера.

Прошло достаточно времени, чтобы успела сгореть палочка благовоний. Наступил вечер, на небе показалась луна. Дверь на втором этаже открылась и на балкон вышла роскошно одетая девушка под руку с мужчиной, который судя по всему был немного пьян. Они о чем-то негромко беседовали. Молодая луна давала мало света, поэтому было очень трудно разглядеть их лица. Но Мэн Хао сразу узнал Румяный Персик. Его глаза налились кровью, и он закричал:

— Ты, грязный ублюдок, юный господин сегодня убьет тебя! Как ты посмел тронуть Румяный Персик!

С диким воплем он швырнул кирпич. Два его подельника тоже с криками кинули свои снаряды.

— Юный господин сейчас... а? — Мэн Хао хотел было уже спрыгнуть во двор, но внезапно осекся и задрожал.

Пьяный мужчина с легкостью уклонился от трех кирпичей и в ярости посмотрел вверх. Увидев Мэн Хао, его губы на секунду тронула слабая улыбка, а потом они скривились в свирепом оскале.

— Ах, ты мелкий гаденыш, — воскликнул он, — решил против меня пойти?!

— Отец... — поевжившись от страха, пролепетал Мэн Хао.

Весь его пыл и праведный гнев испарились, словно его окунули в ледяную воду. Он спрыгнул со стены и бросился бежать. Два его подручных побледнели от страха и побежали, что только пятки сверкали.

— Нам конец. Конец! Отец Фан Му был предыдущим главным задирой уезда Дунлай! Теперь став старшим сыщиком[3], он мог убивать не моргнув и глазом!..

Два мальчугана бежали так, словно за ними по пятам гналась смерть. Когда троица скрылась, во дворе остался только мужчина. От одной мысли, что его сын посмел напасть на собственного отца, ему одновременно хотелось в ярости рвать и метать и от души расхохотаться.

— Мелкий паршивец никогда не занимается и практически ничему не научился. Отправить его в частную школу определенно хорошая идея!

Этой ночью Мэн Хао бесцельно шатался по улицам, то и дело вздыхая. Когда он наконец добрался до ворот своего дома, его встретил свет, сочащийся из закрытых ставней.

«Почему им оказался отец?.. О, мама, почему ты нас так рано покинула. Если бы ты по-прежнему была с нами, ничего этого бы не произошло. Я отчитаю отца за тебя!» — решил Мэн Хао. Он открыл ворота, ведущие во двор, и внезапно закричал:

— Мама, я скучаю по тебе! Мама, ты приходила ко мне во сне прошлой ночью и сказала мне навестить Румяный Персик... Мама...

— Закрой рот! — рявкнул кто-то из дома.

Когда открылась дверь в проеме показался отец Мэн Хао. Из-под его нахмуренных бровей даже в темноте можно было разглядеть недобрый блеск его глаз.

— Хватит придуриваться! Почему ты еще не в постели? На рассвете мы отправляемся в школу, чтобы встретиться с твоим новым учителем.

— Не пойду, — воскликнул Мэн Хао, немного попятившись, — я хочу в обычную школу! Все в городе будут смеяться надо мной!

— Мелкий паршивец, опять за старое?..

Мужчина внезапно рванул вперед и схватил Мэн Хао, который уже собирался дать деру. Он поднял его повыше и отхлестал несколько раз по попе. Хотя шлепки и были слышны на весь двор, Мэн Хао было не больно. С самого детства все их скандалы заканчивались одинаково. В огромном мире ему и его отцу приходилось рассчитывать только друг на друга. При любом разногласии отец только прикидывался суровым и строгим, но на самом деле он не мог заставить себя вкладывать силу в удар.

— Что хорошего в обычной школе?! — взревел он. — Тебе надо научиться уважать учителя и его учение! Тебе нужно обучиться этикету! Так ты пойдешь или нет?!

— Нет, — взвизгнул Мэн Хао, закатив глаза.

— Ах, ты!

Отец вновь занес руку, но его опередил Мэн Хао:

— Если ты пообещаешь никогда больше не навещать Румяный Персик, тогда я пойду... Можешь видаться с кем хочешь, но только не с ней!

Он начал всерьез опасаться, что в этот раз отец может задать ему серьезную взбучку. Отец Мэн Хао не знал то ли плакать, то ли смеяться. Он опустил руку и нежно потрепал волосы Мэн Хао.

— Твоя взяла. Ты растешь, и я вижу, что у тебя, малец, богатое воображение. Хорошо. Отныне я не стану навещать Румяный Персик и оставлю ее тебе. Когда вырастешь, я договарюсь, чтобы она стала твоей наложницей!

— Серьезно? — недоверчиво прошептал Мэн Хао.

— Почему ты еще не в постели?!

Сурово посмотрев на сына, он отпустил его. Мэн Хао прыгая от радости побежал в дом. Стрелой влетев в свою комнату, он сбросил одежду и запрыгнул в кровать. Этой ночью ему снились очень приятные сны.

Рано утром, когда небо только начало светлеть, отец вытащил сонного Мэн Хао из постели и начал его одевать. После его вчерашней эскапады неудивительно, что он совсем не выспался. Серьезное лицо отца светилось любовью и заботой, Мэн Хао редко доводилось видеть его таким. Он взял Мэн Хао на руки, как делал это, когда тот был еще совсем малышом. Его голова уткнулась отцу в плечо, и он заснул. Отец Мэн Хао взял заранее приготовленный для учителя подарок и вышел из дома.

Он шел по улице нетвердой походкой, всё-таки его сын сильно вырос. Через час он остановился у главных ворот дома знаменитого старца, живущего в восточной части города. Отец Мэн Хао разбудил сына и опустил его на землю. А потом он постучал в дверь и вошел во двор. Мэн Хао, зевая, остался стоять во дворе, поэтому он не видел, как его отец вошел в дом, почтительно поклонился и рассыпался в прочих любезностях.

Вскоре он вышел во двор вместе со стариком с белоснежными волосами. Несмотря на преклонный возраст, он буквально лучился энергией. Он держался статно и благородно, простолюдины так себя не вели. Больше всего привлекали внимание его глаза. В них была такая глубина, что казалось, где-то там в темноте горят звезды. Эти глаза могли заморозить кого угодно.

Старик взглянул на Мэн Хао. Его взгляд словно мог видеть все когда-либо прожитые жизни, и жизни, которые еще предстоит прожить. Этот взгляд, казалось, был способен пробиться сквозь туман и увидеть все три жизни[4]: прошлое, настоящее и будущее. Этот взгляд словно говорил, что вся жизнь юноши перед ним была ради одного момента: прийти сегодня сюда и, отдав три земных поклона[5], стать его учеником. Спустя довольно много времени старик слегка кивнул. Отец Мэн Хао посмотрел на сына и сказал:

— Наставник подобен отцу. Фан Му, я хочу, чтобы ты относился к наставнику даже с большим уважением, чем ты относишься ко мне! Если ты не сможешь этого сделать, тогда ты мне не сын!

С этими словами он ушел.

[1] Обр.: очаровательные, прелестные. — Прим. пер.

[2] Имеется ввиду классическая частная школа, когда старые китайские семьи, кланы или учителя организовывали приватную школу. В ней обычно был всего один учитель, который обучал детей по индивидуальной программе, в ней не было учебных пособий или учебников, как и разделения на учебные года. — Прим. пер.

[3] Аналог современного полицейского, они отвечали за поимку преступников в древнем Китае. — Прим. пер.

[4] 三 или "три существования", о которых я писал в 274 главе, еще можно перевести, как "три жизни". — Прим. пер.

[5] Китайские земные поклоны на Древней Руси назывались «бить челом» или «пасть ниц», т.е. упасть на колени и склонить голову. Выглядит он вот так. — Прим. пер.

<http://tl.rulate.ru/book/96711/81901>